

Фрагмент экспозиции проекта «Aspei — Transmental — Восток / Запад» в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме (на снимке — работы Владимира Немухина разных лет)

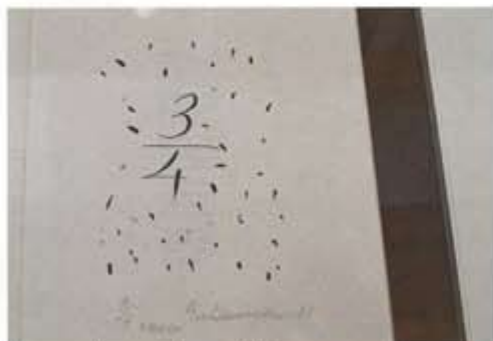
аспай: тяга к беспокойным городам

Светлана Александрова

Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме (Санкт-Петербург), *Aspei — Transmental — Восток / Запад*.
12 августа — 7 сентября; Минск, Республика Беларусь — начало 2009



Мартин Хюттель



Владимир Немухин. $\frac{3}{4}$ снега. 1993

Самое трогательное, что Мартина Хюттеля, куратора проекта «Aspei — Transmental — Восток / Запад», действительно очень огорчает, что петербургское современное искусство недостаточно понимают, а значит, и не ценят на Западе. «Как же разгадать этот город!» — горючится Мартин, грохая об стол чашкой кофе. И тут я, потягивая немецкое вино, подаренное гостем, напоминаю Мартину о существовании устойчивого понятия «петербургского мифа». Последний, как мне кажется, по силе своей трансментальности и на правах концепции любую другую концепцию побивает напрочь.

Возможно, я чересчур патриотична, но мне и впрямь кажется, что московские концептуалисты так прижились по душе Западу лишь из-за близости и доступности их идей — Москва во всех смыслах всегда «понятнее» и громче проговаривала свой мессидж.

Сам же Мартин питерский дух, о котором я так усердно вещала, очень даже чувствует, художников наших любит и по-своему понимает. Но хочет понимать еще больше, понимать настоящему, с белыми ночами не в статусе аттракциона, а в статусе временного критерия.

«И Ленин и пуста пустота // где деньги бог все-таки так // город герой и это есть // Санкт-Питер мой Санкт-Ленинград» — так пишет Мартин в своем стихотворении «Санкт-Ленинград», которое он помещает в каталоге выставки рядом со стихотворением «Бохум». В городе Бохуме Рурской области Германии есть длинная загадочная улица Аспай. Она всегда наполнена звуками шелеста листьев осин (*aspe* — по-немецки осина). Здесь жил Мартин и его друзья-художники. Четверть века назад они свои встречи, творческие искания и беседы на тему взаимовлияния двух культур — русской и немецкой — решили сделать регулярными. Так возникло общество «Аспай», которое сразу же наладило контакты с московскими нонконформистами: Эдуардом Штейнбергом, Владимиром Немухиным, Андреем Монастырским, Всеволодом Некрасовым, Дмитрием Приговым, Львом Рубинштейном, Виленом Барским... Благодаря бохумской группе — Сабине Хенсен, Георгу Витте и самому Мартину Хюттелю имена и работы этих русских художников стали известны на Западе уже в 80-е.

И сегодня основным направлением деятельности Аспай является межкультурное общение, тот самый Transmental, вынесенный в заглавие недавно закончившейся выставки общества в петербургском Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме. Но, прежде чем приехать в этот не дающий покоя Мартину Хюттелю город, немцам пришлось немало поработать: выставке на Фонтанке предшествовали целый ряд экспозиций в Москве и Калининграде и долгих пять лет общения с питерскими художниками, вникания в миф и посвящения стихов — все как в настоящем любовном романе!

Литературный мир Петербурга — образы Блока, Ахматовой, Мандельштама, Хармса, да и место выставки — мемориальный музей, дом, в котором жила Анна Ахматова, пьянил Мартина все больше и больше. И понятно, почему на выставке Аспая под его кураторством особенное внимание уделено игре со словом, именами, цитатами. Произведение ленинградского поэта Леонида Аронсона (1939—1970) «Из Бальмонта» — демонстрация подлинного совершенства в использовании приема создания текста как коллажа из цитат. Ольга Флоренская и выявление ею национальных особенностей русского граффити — отдельная, можно сказать — графическая тема, которую продолжает Алексей Митин, сам создающий граффити, но на компьютере. Его герои — Петр I, Пушкин, Ленин... Великий и невозмутимый насмешник Александр Флоренский разбирает советские и русские героические мифы. Его вечный настенный календарь «Избранные русские политические картины» остро иронизирует над пафосом русского политического искусства. А представленную на выставке серию линогравюр Василия Голубева «Полномочный...», посвященную эпохе соцреализма, Мартин Хюттель использовал в качестве иллюстраций к стихотворению «Санкт-Петербург» (2007), вышедшему небольшим тиражом у Аспая.

Еще один поэтически-художественно-бытовой питерский миф под названием «Митьки» воссоздан Владимиром Яшке. Проиллюстрированный им самим том стихов «Почти по-японски» представляет собой некий аутентичный симбиоз питерского колорита и японской атмосферы.

1.

Власти безумны
народ озверел
Посылаю всех на хер
Тихо картины пишу

2.

Радость осталась
мог поделиться:
пока что не мочат
Тихо картины пишу

Особенную симпатию у всей бохумской группы безоговорочно вызывают творения так и не идентифицированного немцами (настоящий разведчик!) питерского Одного Художника: «Вот падает внутренний снег и все становится белым» и «Маленький человек и фрагмент бесконечности». Немцам художникам близок столь кристально философский подход к постижению и изображению действительности.

В 2004 году Аспай провел выставку в музее Клингшпор (Оффенбах), посвященную им же вымышленному персонажу Августе Блох. Это имя можно перевести как «Большая дыра», и оно же персонифицирует для Аспая буддийское понятие «пустота». Очень характерна в этом смысле работа Вики Микрут «Nothing» — большие чистые листы бумаги ручной работы, перфорированные швейной машинкой — по одной букве на лист — так, что получается слово Nothing. Концепция Вики заключается в том, что к материалу не только ничего не добавляется, а наоборот, кое-что из него изымается. В свою очередь эта работа имела среди питерской публики наибольший успех.

А вот к акциям «Кук-арт» Сабины Хенсен общество осталось равнодушным в смысле творческого сопереживания, зато в смысле сопереживания физического — не устояло, и все акционированные Сабиной блины были артсообществом растащены и съедены с аппетитом. Немцы были в шоке, что, мол, как-то совсем не по-питерски... Что ж, всякое бывает, и не надо нас идеализировать!